

Заключение

В первые десятилетия XXI в. России, как и многим другим странам, приходится отвечать на серьезные демографические вызовы — отчасти новые, отчасти унаследованные от минувшего столетия и советского прошлого страны.

Общественное мнение и политический истеблишмент России чаще всего придают особое значение вызовам, связанным с низкой рождаемостью. Отрицать значение этих вызовов нельзя, но следует иметь в виду, что низкая рождаемость уже давно стала реальностью всех развитых стран и, видимо, имеет очень глубокие корни. Соответственно, этот феномен нуждается и в обстоятельном осмыслении, и оно не может сводиться к упрощенным представлениям, согласно которым главным препятствием повышению рождаемости служит бедность, а снижение бедности должно привести к повышению рождаемости. Снижение бедности, в том числе и бедности семей с детьми, — самостоятельная социальная задача, она требует своего решения, но это совсем не значит, что снижение бедности ведет к повышению рождаемости. Низкая рождаемость характерна для всех слоев населения, в том числе и достаточно обеспеченных, для них, может быть, даже в большей степени.

Вызов низкой рождаемости, по-видимому, должен всегда оставаться в поле зрения общества и осмысливаться на каждом новом этапе развития. Нужны и продуманные меры ответа на этот вызов. Но рассчитывать на то, что в ближайшее время удастся повысить рождаемость хотя бы до уровня простого воспроизводства населения, а тем более обеспечить за счет такого повышения устойчивый естественный прирост населения, — значит выдавать желаемое за действительное.

Иначе обстоит дело с другим демографическим вызовом — вызовом высокой смертности. Острота этого вызова для России подчеркивается тем, что ответы на него здесь очень сильно уступают по своей эффективности ответам, найденным во множестве других стран, вследствие чего смертность в России намного выше, а продолжительность жизни — намного ниже уровня, достигнутого этими странами и вполне достижимого в России. Если Россия хочет быть членом клуба передовых стран мира, она должна найти и реализо-

вать эффективный ответ на вызов высокой смертности. Пока этого не сделано. Кроме того, как можно было убедиться, пандемия коронавирусной инфекции, развернувшаяся в мире в глобальном масштабе в 2020 г., не только сильно затронула Россию и в эпидемиологическом, и в демографическом, и в экономическом плане, но и поставила под сомнение эффективность и соответствие современным требованиям российской системы охраны общественного здоровья.

Третий главный демографический вызов для России — это новый для нее вызов иммиграции. Пока он плохо осмыслен и российским общественным мнением, и российским политическим классом. Преобладает подчеркивание негативных сторон иммиграции (которые наверняка существуют), но нет ясного понимания демографических и других факторов, обуславливающих объективную заинтересованность России в приеме мигрантов как на постоянное место жительства, так и трудовых, временных. Плохо осознается и объективная природа растущего миграционного давления на Россию, как и на все развитые страны. Все это обуславливает недооценку не только позитивных сторон иммиграции, но и связанных с ней неотвратимых рисков и может привести к тому, что Россия окажется неподготовленной к приему значительных миграционных потоков, которых все равно не удастся избежать.

Демографические вызовы — не единственные, которые стоят перед Россией, ей, как и всякой другой стране, приходится отвечать и на многие другие — экономические, экологические, геополитические и т.д. Но без успешного ответа на базовые демографические вызовы едва ли можно рассчитывать на успех в ответе на все остальные.

Представленные выше результаты являются естественным продолжением многолетних исследований Института демографии НИУ ВШЭ (ИДЕМ), посвященных анализу и прогнозированию развития демографической ситуации в России. Это развитие имеет в целом ту же направленность, что и в большинстве развитых стран, по ряду демографических параметров Россия близка к ним, по другим отстает от них или они меняются в несколько особенном направлении. Осмысливая современный этап развития и концептуализируя новейшие изменения, демографическая наука выработала представление о системе демографических «переходов» (второй и третий демографические переходы, первый и второй эпидемиологические переходы, контрацептивная революция, кардиоваскулярная

революция и т.п.), которые помогают понять качественные сдвиги, приводящие к фиксируемым статистикой количественным изменениям. Повышение эффективности социально-демографической, семейной и миграционной политики, совершенствование методологии демографического прогнозирования требуют непрерывного обновления, систематизации и осмысления фактографического материала о населении России и зарубежных стран, развития фундаментальных знаний о демографической реальности и ее изменениях в разных социально-экономических и политических контекстах, а также развитие методических подходов и инструментов анализа демографических и миграционных процессов и социально-демографических результатов государственной политики. Все главные демографические и миграционные процессы: воспроизводство численности и структуры населения, создание и прекращение супружеских союзов, рождаемость, планирование семьи и репродуктивное здоровье, смертность и продолжительность общей и здоровой жизни, внутренние и внешние миграции — должны рассматриваться в широком историческом и международном контексте, а также анализироваться с использованием наиболее актуальных методологических подходов и с привлечением широкого спектра регулярно обновляемых статистических данных, результатов переписей и микропереписей населения, а также результатов выборочных социально-демографических исследований.

Главной задачей авторского коллектива данного доклада было систематизировать, критически осмыслить методологические и инструментальные подходы к изучению меняющейся демографической реальности и применить показавшие свою эффективность методологические подходы к анализу российской демографической ситуации с учетом располагаемой информационной базы, что должно способствовать более глубокому ее пониманию и одновременно выявлению слабых мест самих этих подходов, которые также нуждаются в развитии.

Первый раздел был посвящен различным подходам к оценке численности населения как на текущий момент, так и в перспективе. Сегодня мировое экспертное сообщество выработало разнообразные подходы к исчислению населения на основе переписей населения, получению межпереписных оценок на основе текущего учета демографических событий, государственных электронных регистров населения. Россия в целом движется в общем русле, развивая Единую

систему идентификации и аутентификации для получения сведений о поле, дате и месте рождения, гражданстве. Важно отметить, что в России начал действовать Единый государственный реестр записей актов гражданского состояния (ЕГР ЗАГС), из которого Росстат с октября 2018 г. получает сведения текущего учета демографических событий. В то же время переход на новую систему наблюдения за демографическими событиями не прошел безболезненно, пострадала статистическая сопоставимость рядов чисел рождений, смертей, но особенно браков и разводов. Работникам Росстата, местным статистических служб и представителям экспертного сообщества еще предстоит детально разобраться с имеющимися проблемами и найти пути их решения.

Помимо фактических немаловажное значение имеют прогнозные оценки численности населения, которые позволяют судить о перспективах демографического развития и во многом служат основой для более широкой системы социально-экономических прогнозов. В области прогнозирования населения за последнее десятилетие также появилось немало нововведений, расширяющих возможности предвидения перспектив изменения населения. Среди многочисленных нововведений последнего десятилетия важнейшим, на наш взгляд, является использование методов вероятностного прогнозирования для разработки прогнозов рождаемости и смертности. В отношении миграции такие методы не используются из-за значительной сложности учета всех возможных факторов в отношении объемов миграции и направлений миграционных потоков. Расчеты численности населения по половозрастным группам (как перспективные, так и ретроспективные) по-прежнему основываются на уже хорошо отработанном и ставшем традиционным когортно-компонентном методе.

Получение представления о перспективах изменений в этническом составе населения России — серьезная научная задача, имеющая чрезвычайно важное не только политическое, но и практическое значение для постановки целей по интеграции российского общества. К сожалению, даже достаточно приблизительные оценки будущего этнического состава населения страны и структуры российского населения по миграционному статусу на сегодняшний день неочевидны. Прогнозы этнической структуры российского населения на регулярной основе не производятся, а последняя известная попытка такого прогноза была сделана давно — более 15 лет назад —

и, соответственно, отталкивалась от иной демографической ситуации и тенденций ее изменения. В разделе представлены новые, хотя и приблизительные оценки изменений в этнической структуре российского общества на отдаленное будущее, которые свидетельствуют, что перспективы третьего демографического перехода для населения России сильно преувеличены. Согласно сделанным нами оценкам, этот переход в период до конца XXI в. России не грозит. Причина в том, что доля мигрантов и их потомков к концу XXI в. не превысит 15% населения страны.

Последние демографические прогнозы ООН, в частности, пересмотров 2017 и 2019 гг. вызывают немало вопросов и замечаний. Прежде всего привлекают внимание заниженные, по нашему мнению, перспективные масштабы иммиграции в Россию. В то же время миграционные процессы имеют критическое значение для численности и состава населения России как в средней, так и в долгосрочной перспективе. Россия — географически, по площади территории, представляет собой страну-гигант, а вот демографически, по численности населения, ее ожидает стремительное превращение из наиболее крупной страны мира в страну среднего уровня — к концу XXI в. ее превзойдут по численности населения, по крайней мере, 10 стран мира.

Второй раздел посвящен рассмотрению старения населения, которое входит в число четырех важнейших глобальных трендов этого столетия. Мадридским международным планом действий ООН по проблемам старения была поставлена задача создания общества для всех возрастов. Необходимость мониторинга продвижения к намеченной цели актуализировала разработку системы показателей, характеризующих различные аспекты процесса демографического старения и готовность общества к его вызовам. В нашем докладе рассматривается подход к измерению старения населения с помощью композитных индексов старения, таких как: индекс активного долголетия (ИАД), основанный на концепции активного и здорового долголетия, который развивается международными организациями при поддержке ООН, а также индекс, предложенный международной сетью неправительственных организаций HelpAge Global Network. Рассмотренные интегральные индикаторы взаимодополняют друг друга и создают основу для более системного описания и понимания процесса старения населения как сложного феномена, к которому современные общества должны будут непрерывно

адаптироваться и в политическом, и в экономическом отношении. Сравнение России и других стран на основе традиционных и альтернативных характеристик старения, к сожалению, не в ее пользу. Дело не только в отставании России в деле сокращения смертности и повышения продолжительности жизни и не только в общем отставании развития экономики и социальных институтов, но в первую очередь в отсутствии должного осознания в российском обществе и его элите всей серьезности вызова, которую таит в себе процесс старения населения.

Третий раздел посвящен исследованию экономико-демографических взаимосвязей, меняющих характер межпоколенческих трансфертов в процессе старения населения в развитых странах мира и в России. Трансфертные системы перераспределения доходов и ресурсов, функционирование которых опосредовано институтом семьи, государством или рынком, сегодня находятся в состоянии перехода, в том числе под влиянием процесса изменения численности различных групп населения. Для того чтобы удовлетворить потребность в получении дезагрегированных по возрасту главных показателей системы национальных счетов, а также для оценки перераспределяемых потоков между отдельными поколениями, в том числе внутри домохозяйств и между ними, в конце 1990-х годов были разработаны специальные методы построения системы так называемых национальных трансфертных, или национальных межпоколенческих, счетов. Авторы раздела показали, что агрегированные и подушевые оценки трудовых доходов и потребления позволяют оценить дефицит жизненного цикла (разницу между расходами на потребление и трудовым доходом) и его особенности в отдельные периоды жизни людей. У населения России «бездефицитный период» начинается в 23 года и продолжается до 56 лет. В большинстве развитых стран из-за более длительного периода обучения «бездефицитный период» начинается позже. В общей сложности дефицит жизненного цикла в России в 2013 г. составил 3473 млрд руб., что составило порядка 4,7% ВВП, к 2016 г. дефицит, видимо, возрос до 4849 млрд, или 5,6% от ВВП. В будущем, если не произойдет никаких изменений в моделях доходов, потребления и распределения благ по отдельным поколениям, дефицит жизненного цикла будет возрастать за счет общего постарения возрастной структуры и увеличения числа лиц в возрастах от 60 лет и старше.

Четвертый раздел посвящен различным подходам к оцениванию уровня рождаемости для условных и реальных поколений. Принципиальный вывод из проделанного анализа различных индикаторов уровня рождаемости в динамике за несколько десятилетий состоит в следующем: средний уровень итоговой рождаемости поколений в России как за последние четыре десятилетия, так и за последние два десятилетия не слишком изменился, несмотря на большие колебания, демонстрируемые обычным коэффициентом суммарной рождаемости (КСР) — наиболее распространенным показателем, которым оценивают текущий уровень рождаемости, и являющимся целевым индикатором российской демографической политики. «Истинный» средний уровень рождаемости женщин, участвовавших в воспроизводстве населения России в период с 1979 по 2018 г., составил 1,7 живорождения в расчете на одну женщину при весьма незначительных колебаниях по годам и периодам. Перепады в величине обычного КСР для календарных лет определялись почти исключительно меняющимися темпами формирования семей или, иначе, существенными подвижками в календарях рождений у россиян 1960–1980-х годов рождения как в силу долговременных изменений (перехода к более позднему браку и началу деторождения), так и под воздействием меняющейся социально-экономической и политической конъюнктуры, повлиявшей на скорость трансформации возрастного профиля рождаемости и на величину интервалов между рождением детей. Мы можем с высокой степенью уверенности утверждать, что и в обозримом будущем Россия будет оставаться в границах варьирования КСР для развитых стран, тяготея к показателям 1,6–1,7 рождения на одну женщину.

Пятый раздел посвящен особенностям внутрисемейного контроля рождаемости в России, проблемам статистического мониторинга распространенности абортот и вспомогательных репродуктивных технологий в России и за рубежом.

Еще несколько десятилетий назад Россия входила в число бесспорных лидеров по распространенности абортов среди стран, имеющих статистику прерванных беременностей (правда, таких стран в мире немного). Сейчас можно сказать, что разрыв в значительной степени преодолен. И по уровню рождаемости, и по уровню абортов современная Россия занимает средние позиции в ряду развитых стран и уж точно не заслуживает звания «чемпиона по абортам». В то же время меняющаяся в России регистрационная практика

и несовершенная система разработки статистических данных об искусственных прерываниях беременностей затрудняют непрерывный анализ ситуации и интерпретацию наблюдаемых тенденций и происходящих структурных перемен.

В развитии областей медицины, связанных с репродукцией человека, в последние десятилетия произошел гигантский скачок. Вспомогательные репродуктивные технологии становятся все более распространенными и доступными для широкого круга заинтересованных людей и семейных пар в развитых странах и в России. Авторам данного доклада было важно разобраться с имеющимися исследованиями последних лет вокруг проблемы эффективности применяемых методик и в первую очередь с целью достижения рождения генетического ребенка пары. Проблема донорства имеет не только этические и эмоциональные, но и биологические ограничения — не всегда легко найти в популяции людей, готовых стать донорами, похожих внешне на родителей и при этом обладающих достаточно хорошим для донорства здоровьем. Поэтому происходят как биологические научные прорывы, такие как изменение только митохондриальной части яйцеклетки или редактирование только неприемлемой в связи с наследственной ситуацией части генома, так и развитие в области статистического прогнозирования, позволяющее как можно лучше оценить шансы конкретной пары. Возраст (старше 35 лет) для женщины является основной проблемой. Но социальные процессы приводят к тому, что призывы рожать как можно раньше имеют ограниченную привлекательность, а вот как раз в позднем возрасте все чаще женщины хотят и экономически готовы иметь именно своего ребенка. Все это определяет, какие именно направления развития становятся приоритетными в области вспомогательных репродуктивных технологий.

Шестой раздел посвящен углубленному анализу тенденций смертности, включая младенческую и перинатальную, и ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) в России в разрезе пола, возраста и причин смерти. Если рассматривать в целом период 1990-х и первых десятилетий после 2000 г., то можно говорить, что и у мужчин, и у женщин около 80% роста или снижения ОПЖ было следствием изменения смертности в средних возрастах, тогда как после 2003 г. эта доля сократилась у мужчин до 50%, а у женщин — даже до 30%, но одновременно вырос вклад снижения смертности в старших возрастах, прежде всего у женщин.

Происходившие в стране процессы неоднозначно сказались и на смертности от разных причин. Основополагающую роль и на этапах снижения продолжительности жизни, и на этапе ее роста сыграли изменения смертности от болезней системы кровообращения (БСК) и от внешних причин. Однако при определении вклада изменений смертности от отдельных причин после 2013 г. приходится сталкиваться с рядом проблем. Прежде всего с тем, что многие регионы России, стремясь достичь целевых показателей смертности от отдельных причин (зафиксированных в правительственных документах и государственных концепциях), прежде всего от болезней системы кровообращения, начали пересматривать в выгодную для себя сторону практику кодирования причин смерти. В частности, некоторые регионы начали широко использовать диагноз «старость», и рост доли смертей от «неустановленных болезней» ускорился. В последние несколько лет ситуация несколько улучшилась, однако не настолько, чтобы можно было однозначно интерпретировать перемены в структуре смертности по причинам смерти, имеется много вопросов, на которые мы не можем сегодня ответить.

Несмотря на достижения последних лет в снижении смертности, Россия по уровню ОПЖ до сих пор значительно отстает от развитых стран. За полвека отставание России по продолжительности жизни от развитых стран не только не сократилось, а, напротив, увеличилось. Так, если в 1970 г. разница в ОПЖ между Россией и западными странами была у мужчин от 3,13 года с Польшей до 9,19 со Швецией, то в 2016 г. — соответственно 7,33 и 14,1 года. У женщин отмечалась несколько иная картина: если в 1970 г. ОПЖ в России была даже немного выше, чем в Польше, а различия с Германией были минимальны (0,22 года), то в 2016 г. отставание России стало значительным — от 4,13 года от США до 8,24 от Франции. Высокая смертность от БКС вносит основной вклад в отставание России и у мужчин, и у женщин. Кроме того, у мужчин значительный вклад вносит высокая смертность от внешних причин, хотя и у российских женщин вклад этой причины достаточно значим.

В данном разделе также приводятся новые оценки ожидаемой продолжительности здоровой жизни для 20-летних мужчин и женщин России в сравнении со странами ЕС. Для оценки статуса здоровья использован показатель распространенности плохого самочувствия (оценка собственного здоровья как «плохого» или «очень плохого»), рассчитанный на основе вопроса «Как вы оцениваете

собственное здоровье в целом?» с альтернативами ответа от «очень хорошее» до «совсем плохое», содержащегося в анкетах европейских обследований EU SILC и Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) НИУ ВШЭ. Главный вывод: Россия, хоть и улучшила свои позиции по распространенности преждевременной смертности в средних возрастах и плохого самочувствия — в старших (начиная с возраста 60 лет), остается аутсайдером по сравнению со странами ЕС, что существенным образом сказывается и на интегральном показателе ОПЖ.

В данном разделе уделено особое внимание анализу блока причин смерти «Повреждения с неопределенными намерениями» (ПНН), которые наряду с убийствами, самоубийствами и несчастными случаями являются частью класса «Внешние причины заболеваемости и смертности». Происходящие изменения ситуации с данными причинами смерти в России недостаточно изучены и осмыслены. Так, уровень смертности от ПНН в России начиная с 1990-х годов существенно вырос и многократно превышает показатели в других странах. Сейчас ПНН бесспорно лидируют среди внешних причин у женщин с 2005 г., а у мужчин — с 2010-го, и с 2014 г. они уже превышают совокупный уровень смертности от убийств и самоубийств. Исследователи считают эту группу причин смерти «резервуаром» латентных самоубийств и особенно убийств. На протяжении многих лет «минимизация потерь от социально значимых причин путем перевода их в латентную форму» является типичной для России. Поэтому при высоком уровне смертности от ПНН говорить о снижении смертности от самоубийств и убийств преждевременно. В последние годы в структуре всех внешних причин (ВП) доля насильственных смертей (к которым авторы относят убийства, самоубийства и ПНН) достигла 40–45%, оставшаяся часть приходится на несчастные случаи. Это вынуждает предполагать, что внешние причины смерти не всегда случайны, но все чаще обладают внутренними и внешними мотивами. Более того, различия в кодировании ВП в субъектах РФ сделали региональный анализ смертности по отдельным видам внешних причин малопригодным, поскольку в регионах с высокой долей ПНН смертность от других внешних причин будет занижена.

Седьмой раздел посвящен миграционным тенденциям в России. Авторы отмечают снижение притока мигрантов в Россию. Более того, Росстат после довольно продолжительного перерыва вновь зафиксировал миграционную убыль населения России со странами

дальнего зарубежья. Но поскольку эмиграция из России серьезно недоучитывается, это имеет, скорее, символическое значение. Об истинных масштабах оттока населения в развитые страны Запада уже давно нет достоверной информации, и по имеющимся данным из стран, принимающих мигрантов из России, зарегистрированная за рубежом численность российских эмигрантов в несколько раз выше тех цифр, которые может предоставить миграционная служба России.

Снижение миграционного прироста происходит на фоне роста естественной убыли населения России, возобновившейся в 2016 г. Но если в 2016–2017 гг. миграционный прирост компенсировал ее и даже обеспечил увеличение населения, то в 2018 г. он смог восполнить потери населения только на 57,2%. В этих условиях логичны были бы действия властей по введению преференций для иностранных граждан, желающих переселиться в Россию на долговременной основе, в том числе по получению ими разрешений на временное проживание и (или) видов на жительство. Однако эксперты не могут констатировать наличие четкой позиции российской власти и политической элиты в области миграционной политики. Положения официально принятых ранее концепций миграционной политики не выполнялись последовательно и обдуманно. В конце 2018 г. Президент РФ подписывает очередную, новую Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы, в которой не просматривается особого внимания к роли миграции в демографическом развитии страны. Судя по ее тексту, приветствуется переселение в Россию «на постоянное место жительства соотечественников, проживающих за рубежом, а также иных лиц, которые способны успешно интегрироваться в российское общество», никаких дополнительных мер не требуется. По-видимому, сложившиеся параметры международной миграции в России устраивают власти. Ориентиров в том, какие меры будут предприниматься для привлечения в Россию желательных категорий иммигрантов, в документе не приводится, в отличие от прошлого варианта Концепции, которые, впрочем, также не были реализованы на практике.

В целом динамика качественного состава миграционного прироста, если ее измерять показателем доли лиц с высшим, неполным высшим и средним профессиональным образованием, за 2013–2018 гг. демонстрирует позитивную динамику. Однако внутренние причины этого неясны. Возможно, это связано с общим повышени-

ем уровня образования в странах — основных миграционных партнерах России. Также вероятно, что происходит усиление «селективного отбора» мигрантов по показателю образованности, в Россию приезжают и остаются более образованные мигранты или они имеют больше возможностей (ресурсов) закрепиться в стране в сравнении с менее образованными. Возможно также, что студенты из зарубежных стран, приезжающие в Россию с целью получения высшего образования, стали чаще оставаться в стране после завершения учебы. Хотя не вполне понятно, может ли действующая в России система учета мигрантов отразить изменение уровня образования в период временного проживания в стране, судя по всему, нет, и тогда мы можем видеть только изменения, которые происходят с той частью мигрантов, которые регистрируются по месту жительства. Для получения ответов на данные вопросы необходимы более детальные исследования.

Направления внутренней/межрегиональной миграции в России не меняются уже очень долгое время. Если рассматривать крупные части страны, население продолжает стягиваться в расположенные на западе Центральный, Северо-Западный и Южный федеральные округа. Переток населения в этом направлении в 2010-е годы в среднем составлял 180–190 тыс. за год. Отток населения из регионов Дальневосточного, Сибирского и Уральского федеральных округов в округа европейской части страны превышает 90 тыс. человек в год, устойчиво теряют население Приволжский и Северо-Кавказский округа. В последние годы впервые за много лет Дальневосточный федеральный округ перестал терять населения в обмене с Сибирским, однако передача в 2018 г. в его состав двух регионов с резко отрицательным балансом внутренней миграции — Республики Бурятия и Забайкальского края — вновь сделали его отдающим население всем федеральным округам, хотя по показателю общей интенсивности миграционной убыли Дальний Восток и ранее превосходил все остальные округа и основной отток населения в последние годы шел не в сравнительно близкие Сибирь и на Урал, а примерно в равной мере в регионы Центрального, Северо-Западного и Южного округов.

Население со всех частей страны продолжает стекаться в три крупнейших центра — Московскую, Санкт-Петербургскую агломерации и Краснодарский край. Многие иные центры притяжения внутрироссийских мигрантов, испытывающие устойчивый мигра-

ционный прирост в 1990–2000-е годы, утратили свою роль. Московский столичный регион (МСР) опережает два других крупнейших центра по абсолютному значению показателя миграционного прироста, однако по интенсивности различия невелики. Крупнейшая агломерация выигрывает за счет размера, втрое превосходящего ближайшего конкурента, а также благодаря выгодному расположению в самом центре европейской части страны. Как показывают расчеты, МСР в действительности существенно опережает Санкт-Петербург с Ленинградской областью и Краснодарский край по привлекательности для временных трудовых мигрантов (отходников), но уступает по интенсивности притока мигрантов данной категории Ханты-Мансийскому, Ямало-Ненецкому автономным округам и Тюменской области.

Авторы раздела привлекают внимание к возможности анализа Пробной переписи населения 2018 г. (ППН-2018), проведенной Росстатом в рамках подготовки Всероссийской переписи населения 2020 г. В ходе ППН-2018 отрабатывались новые методологические подходы к проведению переписей населения, в частности: апробирование сбора сведений через портал Госуслуг, использование планшетных компьютеров и смартфонов, применение электронных карт и ГИС-технологий и иных элементов цифровизации сбора и обработки данных предстоящей переписи населения. ППН-2018 проводилась в различных городских и сельских муниципалитетах семи регионов России, ее результаты могут быть пригодны для анализа миграционных процессов на низовом территориальном уровне, включая сопоставление с данными текущего учета, а также результатами предыдущих и предстоящих переписей населения.

Многообещающим направлением изучения различных видов передвижений людей и миграций становятся новые цифровые источники информации: данные сотовых операторов, социальных сетей, сайтов-агрегаторов по продаже авиа- и железнодорожных билетов и др. В то же время генерация новых цифровых данных о населении требует совершенствования методов и инструментов их анализа (в том числе визуализации и интерпретации), навыков разработки дизайна исследования, а также более глубокого понимания преимуществ и ограничений цифровых данных. В этом направлении Россия делает только первые шаги, перенимая опыт других стран и развивая свой собственный с учетом национальной специфики законодательства и запросов практики.